

Моим родителям

Пролог

Нокосившийся и осевший особняк Эштон-хаус напоминает согбенного годами сумасшедшего. Как я могла знать в тот первый день, что его обитатели так же уродливы, как эти бесформенные бревна, так же убоги, искалечены и больны — разумом и духом? Возможно, это они заразили меня. Или безумие сочилось прямо из болота, окутанного ядовитыми испарениями, растворялось в самом воздухе, которым мы дышали, — и никто из нас не смог скрыться. Никто.

Глава 1

Заросли боярышника укроют меня, под защитой их беспощадных шипов я дождусь рассвета. Звезды скрылись за облаками, и я осталась совсем одна посреди болота, со всеми его канавками и ручейками, стоячей водой и жадной до человеческой плоти трясиной.

Конечно, болото может поглотить меня. Мне плохо, я ослабла от голода, и здесь холодно, так холодно, но, может быть, оно все же пощадит меня. В конце концов, мы с ним старые друзья. Оно хорошо меня знает. Ночной холод пробирает до костей. Волны озноба пробегают по телу снова и снова. Так хочется домой, но дома больше нет — только не для меня.

В деревьях словно призрак мелькает фигура, она все ближе. Этот человек пришел убить меня, или даже хуже. Дышать. Надо дышать. Он пройдет мимо, если я замру и не издам ни звука, и буду держать рот открытым, чтобы он не услышал, как стучат мои зубы.

Он оглядывается направо и налево. И наконец смотрит прямо перед собой — на меня.

Он улыбается.

Я вскакиваю и бросаюсь бежать. Везде вода, вода и тьма.

Он почти добрался до меня, он скользит и едет на неверной болотистой почве, его руки распростерты, как у пу-

Глава 1

гала. Упави, пожалуйста, упави. Пусть болото заберет тебя, утянет тебя на дно, скроет твоё лицо. Пусть болото заберет тебя и спасет меня.

Чавкающий звук шагов. Болото старается, засасывает его ботинки, ноги, но этого мало. Грязные белые руки тянутся ко мне, пальцы цепляются за моё платье.

Вода заликает уши, рот.

Я не могу дышать, и вода...

Громкие голоса, вспышка света — и болота больше нет. Надо мной нависает тень. Прежде чем я успеваю закричать, она переворачивает меня на живот, как мертвую рыбу на разделочной доске, и вонзает в моё тело иглу. Теперь кричать нет никакого смысла, потому что я знаю, где нахожусь — в приюте, и здесь нет ни болота, ни моего убийцы.

Сердце замедляет бешеный ритм. Все звуки стихают, и благословенный сон обволакивает меня, увлекая в небытие.

Уже утро. Я стою на цыпочках, прижавшись лицом к холодной металлической решетке, и слежу за роцей вдаль — наверное, это боярышник, в тени за ней лежит болото, где тела любовников тесно сплелись, а мертвецы гниют в воде.

Если вглядываться достаточно пристально, иногда мне удастся представить себя на свободе, за пределами этих стен, на свежем воздухе — и вот тогда стопами можно почти ощутить прикосновение травы, а на кожу ложится холодное дыхание ветра. Но только не сегодня. Сегодня мне ни на чём не сосредоточиться — в соседней палате шумят сумасшедшие. Я оборачиваюсь и кричу им в стену:

— Замолчите! Замолчите!

Карен Коулс. Приют гнева и снов

Когда я возвращаюсь к деревьям, их уже не разглядеть — их укрыло завесой пришедшего с моря тумана. Мои каблуки опускаются на пол, и пейзаж исчезает, уступая место прямоугольнику неба. Конечно, я люблю небо, как и все, но так хотелось бы опустить окна чуть пониже — тогда получилось бы разглядеть и мир за их пределами.

О такой роскоши можно только мечтать. Может, однажды меня переведут в другую комнату, где окна шире и больше света? Хотя даже если я попрошу об этом, никуда меня не переведут — пусть у них и есть свободная палата. Наверняка ее отдадут кому-нибудь послушному, прилежному.

Металлическая решетка не позволяет мне сбежать, хотя искренне не понимаю, к чему все эти усилия. Окно слишком узкое, и даже такой худышке, как я, в него не протиснуться, да и потом оно едва открывается — мешает железная щеколда. И кому вообще может прийти в голову спрыгнуть отсюда? До земли далеко. А приземлиться можно только в вымощенный камнем внутренний двор, переломав себе все кости. Колени подгибаются от одной мысли об этом.

Из-за соседней двери доносится невыносимый скрежет — и грохот. Лучше бы санитары сняли решетку с окна в той палате. Оно больше моего, и там все достаточно безумны, чтобы повыпрыгивать из окна один за другим. Во дворе скопится целая груда переломанных тел.

И тогда я наконец обрету покой.

Бледные лучи солнца проникают через решетку и вычерчивают ромбовидный узор на полу. Я успеваю полюбоваться им считанные секунды перед тем,

Глава 1

как он исчезает. Свет никогда не задерживается около меня — наверняка его пугает тьма во мне.

Смотрители говорят, что я потеряла разум пять лет назад. И говорят это так, будто срок невероятно велик. «Всего пять лет? — переспрашиваю я. — Куда же делись остальные двадцать два года?» Они пожимают плечами. Они не знают, и я тоже. Двадцать два года исчезли, будто их и не было. Если бы не воспоминания о болоте, можно было бы подумать, что я появилась на свет здесь безумной от рождения, но болото — было. И его утрата оставила полую боль в моей груди. Она всегда со мной и не думает отступать.

Глава 2

Небо бледнеет и хмурится, прежде чем я слышу звук поворачиваемого в замке ключа. Из-за двери появляется санитарка в синем платье с накрахмаленным белым передником. У нее квадратное лицо и двойной подбородок. И шея такая же широкая, как и голова, а кожа напоминает вареную грудинку.

— К тебе доктор, — говорит она.

Это не тот же доктор, что и всегда. Внутри у меня все сжимается. Не могу сказать, что мне нравится доктор Уомак. Иначе я бы не попыталась его убить, уж точно не душила бы его, как в тот раз.

Но Уомак хитрый и скользкий, с поникшими напымаженными усами, а этот новый доктор гладко выбрит и кажется моложе. У него добрые глаза, вокруг них появляются морщинки, когда он улыбается.

— Доброе утро, Мэри, — обращается ко мне он.

Надо сказать ему, что меня зовут не Мэри, а Мод. Хотя в бумагах я значусь как Мэри, потому все меня так и зовут, так что, может, это как раз я ошибаюсь. Да ради всего святого, должна ведь я знать такие вещи! Должна же я быть уверена в собственном имени.

Он придвигает себе стул.

— Меня зовут доктор Диммонд, — говорит он. — Вы помните, почему оказались здесь, Мэри?

Как же раздражает, что он зовет меня чужим именем.

Глава 2

— Помните, как заболели? Что вызвало вашу болезнь?

— Нет.

Он смотрит в мои бумаги, переворачивает страницу, еще одну, хмурится. Его глаза бегают из стороны в сторону, пока он читает. Он поворачивается к Подбородку.

— Здесь всегда применяют такой уровень седации?

— К этой пациентке — да, — произносит она с придыханием. Я ей не нравлюсь. Никому из них я не нравлюсь, потому что пыталась убить Уомака, а может, потому что мне это не удалось.

— Тогда остается только удивляться, как пациентка стоит без посторонней помощи, про память я уже молчу.

— У этой кошмары начнутся, доктор, если мы не дадим ей достаточно лекарств.

— Ясно. — Доктор поворачивается ко мне. — Что ж, уменьшим дозу и посмотрим, что из этого выйдет. — Он достает из кармана книгу и протягивает мне. Это тетрадь с цветами на обложке. Она новая и чистая, и никто в ней еще не писал. — Я бы хотел, чтобы вы записали все, что помните о своем прошлом, — абсолютно все. Может пригодиться даже самая незначительная деталь.

Он и понятия не имеет, как легко мысли вылетают у меня из головы, но я все равно киваю.

— Держите тетрадь при себе, чтобы она всегда была под рукой на случай, если вдруг что-то вспомнится.

И передает мне наточенный карандаш. Мне не удается скрыть удивление — обычно острые предметы под запретом. Я перевожу взгляд на Подбородок. Она тоже это заметила, но ничего не говорит из страха возразить доктору. Я прикрываю карандаш тетрадью, пряча подальше от чужих глаз. Может, она и забудет о нем.

Доктор хмурится.

Карен Коулс. Прием гнева и снов

— Вы умеете писать?

— Мой отец был учителем.

— Вы помните своего отца? — вырывается у него.

— Нет. — Не знаю, почему это сказала. Откуда вообще взялись эти слова? — Может быть, это неправда.

Он поджимает губы.

— И все же хотел бы узнать, что вы помните о прошлом, будь то правда или нет.

— Я не могу ничего вспомнить.

Он обводит комнату взглядом и слабо улыбается.

— На вашем месте я бы не был так в этом уверен. — Он еще раз смотрит вокруг себя и перестает улыбаться. — Можете лечь и закрыть глаза?

Я делаю, как он говорит. Эти врачи всегда выдумывают какие-нибудь уловки, чтобы заставить меня признаться в преступлениях, о которых я ничего не помню. Что бы я ни совершила, все это уже в прошлом. Его уже поглотила тьма, порожденная гниющими в моей голове секретами. Ничего им не удастся найти, как бы они ни старались. Даже лучшим врачам не под силу найти то, чего уже нет.

— Расслабьтесь, Мэри, и разожмите руки.

— Мод, — говорю я. — Меня зовут Мод.

Слышно, как ручка скребет по бумаге.

— Ну вот, уже неплохое начало, — произносит он. И я думаю, как же это просто. Будто семечки щелкать. — Дышите глубоко. Расслабьтесь.

Мои пальцы оцепенели и отказываются слушаться. Я медленно разжимаю их.

— Представьте, что вы в безопасном и красивом месте, и постарайтесь вообразить его.

Боярышник. Боярышник и стоячая вода в крошечной ночи.

Глава 2

— Представьте, что гуляете там, вы в безопасности. Гуляю? По болоту? Ночью?

— Все спокойно, — говорит он. — Ничто не может вам навредить.

Кто-то кричит в коридоре. От шагов дрожит пол. Вибрация доходит и до моей кровати.

— Где вы сейчас? — спрашивает врач.

— В моей комнате. — Я открываю глаза.

Он кивает и делает запись в моих бумагах.

— Интересно. Ничего не получилось вспомнить? Совсем?

— Нет.

— А увидеть безопасное место?

— Нет.

Он кивает и продолжает писать.

— Ничего страшного. Гипноз выявит больше.

— Гипноз?

— Возможно, вы слышали о месмеризме.

Я сажусь на кровати.

— Месмеризм? Как в мюзик-холлах? — Он хочет сделать из меня идиотку, посмешище. — Вы хотите посмеяться надо мной? Нет.

Он поднимает руку.

— Никто не будет смеяться. На протяжении всего сеанса вы будете находиться в состоянии покоя

* Имеется в виду медицинская система XVIII века, сводившаяся к тому, что причины болезней кроются в нарушении магнитного равновесия в организме. Учение венского врача Франца Месмера дало начало теории гипноза, однако позже выродилось в спиритизм, оккультизм и, по сути, лженауку. В Великобритании рубежа XIX–XX веков месмеризм и вовсе превратился в увеселительный номер: в мюзик-холлах им развлекали публику наравне с электрическими экспериментами, фокусами и чревоуещанием. Например, вызывали добровольца из зала, погружали в состояние гипноза и заставляли потешать зрителей какими-нибудь трюками (*здесь и далее прим. переводчика*).

Карен Коулс. Приют гнева и снов

и только мысленно вернетесь в прошлое. — Он улыбается. — Гипноз позволит нам пробудить ваше подсознание и добраться до давно забытых воспоминаний. — Он смотрит в сторону, закрывая свой блокнот. — Я освобожу ваше прошлое.

— Но что, если я не хочу выпускать его на свободу?

— Вам нечего бояться. — У него открытый, честный и теплый взгляд. Глупо это, наверное, доверять красивым глазам. В конце концов, однажды они меня уже предали.

— Во Франции врачам удалось добиться великолепных результатов благодаря гипнозу при лечении истерии, — сообщает он. — Думаю, он поможет и нам в случае с вашей болезнью.

— Моей болезнью?

— Травматическая амнезия. — Он наклоняется ко мне, луч света в виде ромбика падает на его лоб, словно бриллиант, словно третий глаз открывается прямо в центре. — Иногда после катастрофы... — Его голос смягчается. — После пугающего или какого-то печального события... — Он думает, что мне надо пояснить значение слова «катастрофа». — ...Наш разум выбирает забвение. И прячет все связанные с ним воспоминания как можно дальше. Таким образом мы защищаем себя, это наша стратегия выживания. Но жить в состоянии постоянного страха никому не захочется, правда?

Не хочу говорить ему, что мне страшно и всегда было страшно, сколько я себя помню.

— Я всегда была больна, — говорю я ему вместо этого.

— Нет. — От его улыбки мне хочется плакать. — Нет, не всегда. Когда-то вы чувствовали себя хорошо.

Значит, было время до безумия, и этот доктор Диамант хочет вернуть меня в него.

Глава 2

Не уверена, что это хорошая идея. Совсем не уверена.

Тетрадь остается у меня. Поверить не могу. Все остальное принадлежит лечебнице — даже одежда на моих плечах, но карандаш и тетрадь — мои. Я раскрываю ее и пролистываю страницы. Она пахнет свежестью и новизной, страницы не пропитаны вонью лечебницы. Я оглядываюсь в поисках безопасного места, чтобы спрятать ее. В этой комнате много таких укромных мест. За столом есть как раз подходящего размера выемка между половицами и стеной. Цветочная тетрадь идеально туда помещается.

Подбородок приносит мои лекарства после ужина. Это половина того, что я принимаю обычно.

— Глаз с тебя не спущу. — Ее лицо приближается к моему. — Только попробуй выкинуть что-нибудь, и доктор Уомак с тобой разберется.

Я смотрю ей в глаза, пока она не отводит взгляд.

А когда гасят свет, сворачиваюсь в кровати и думаю об отце. Он был учителем, я сказала. Откуда такая уверенность? У меня нет воспоминаний ни о каком учителе, ни даже об отце. Ни картинка, ни лица, тела, голоса или запаха. В моей голове даже нет той пустоты, которую должен занимать отец. У него такие же темные волосы, как и у меня? У меня его глаза, его нос? Может быть, у него такие же усы, как у Уомака, или морщинки вокруг глаз, как у Даманта. Как так вышло, что я полностью забыла собственного отца? И наверняка он тоже забыл обо мне, иначе он точно пришел бы и забрал меня отсюда. Он бы пришел и забрал меня домой.

Я погружаюсь в сон, продолжая мысленно искать этого человека, который, возможно, любил меня, заботился обо мне, но не нахожу его. В моих мыслях осталось место только для болота. Все как обычно.